

Сегодня Центральный театр Советской Армии празднует свое сорокалетие. Его становление было связано с советской пьесой, посвященной жизни Армии и Флота. Здесь шли «Первая Конная» Всеволода Вишневского, «Бойцы» Бориса Ромашова, «Гибель эскадры» Александра Корнейчука.

Много лет театром руководил народный артист СССР А. Д. Попов, художник большого таланта, прекрасных гражданских качеств. И сегодня театр, во главе которого стоит А. А. Попов, верен его традициям.

Большая часть творческой жизни замечательного мастера народной артистки СССР Любови Ивановны Добржанской связана с этим театром.

Наш корреспондент О. Кучкина беседует с Любовью ДОБРЖАНСКОЙ.

Корреспондент: Перед нами случай едва ли не уникальный: актриса, почти не снимавшаяся в кино, известна самому широкому зрителю, любима им. А ведь обычно именно кино приносит то, что называется популярностью. Здесь только театр. Великолепный корнет Шура Азарова из «Давным-давно», красивая и сильная Василица

из «Каса маре», мудрая Толгонай из «Материнского поля»... Я помню, когда вы в первый раз сыграли айтматовскую Толгонай, зрители встали и так, стоя, устроили овацию. Любовь Ивановна, что же является самым дорогим для вас в театре?

Л. Добржанская: Возможность сказать со сцены сокро-

СОКРОВЕННОЕ СЛОВО

венное. Всегда хотелось сказать — и мне кажется, я говорила — о силе человеческого духа, о раскрепощенности личности, об умении быть счастливым, о таланте жить. Актерское искусство мимолетно, оно живет только миг. Вот тут, на ваших глазах родилось что-то трепетное, в нем правда, в нем жизнь, в нем моя и ваша боль и радость — и ушло, и никогда не повторится. То есть повторится, но будет уже все иное. Это прекрасно и в то же время грустно. Поэтому для актера так важно, чтобы его по-

нимали, чтобы шел ток от сердца к сердцу. Как и вообще для человека это важно. Искусство театра очень похоже на жизнь...

Корреспондент: Я определяю для себя ваш актерский секрет как «обратную реакцию». Может быть, это не очень точно, но суть, в двух словах, — там, где ваша героиня должна была заплакать, она смеется. И это действует гораздо сильнее, чем реакция «прямая», та, которую можно было ожидать.

Л. Добржанская: Первая реакция, которая приходит в го-

лову, есть штамп. А если она еще закрепляется и возникают разговоры, что только так и надо, потому что это по жизни, — это совсем скверно. Так создается и живет плохое искусство. А жизнь-то как раз и полна самых неожиданных реакций — умей только наблюдать.

Корреспондент: Режиссеры, которые с вами работали, называли вас «вечной ученицей»...

Л. Добржанская: Очевидно, это было заложено Алексеем Дмитриевичем Поповым, чело-

веком, которому я (и не одна я) обязана очень многим. Его занимала не только профессиональная сторона дела, но и этическая, нравственная. Видите ли, личность актера, так же как, допустим, и личность поэта, рано или поздно скажется в том, что он делает и как он это делает. Если человек мелок, тщеславен, невежествен, это непременно проявится в его искусстве. Алексей Дмитриевич не прощал зазнайства, премьерства, стремления к дешевой успеху, нескромности. Он создал в театре какую-то

особенно чистую атмосферу, он научил нас взыскательности, высокой требовательности к себе. Я очень рада, что наш театр старается сохранить эти принципы, что нами не утрачен истинный дух творчества.

Корреспондент: Любовь Ивановна, а какие черты вы более всего цените в человеке театра?

Л. Добржанская: Талант, очень люблю талант. Но особенно ценю, когда он бывает дарован человеку, который обладает трудолюбием, скромностью, хорошим вкусом, широтой интересов, пониманием других людей, то есть всем тем, что составляет интеллигентность. Эти качества не обязательно должны быть врожденными, их можно и вос-

питывать в себе. Нужно воспитывать.

Корреспондент: Как вы относитесь к молодому поколению в искусстве?

Л. Добржанская: С бесконечным любопытством и доброжелательностью. В нем отражается сегодняшний день, запросы и требования времени, новая, свежая мысль.

Я вижу в нынешних молодых актерах и режиссерах большую внутреннюю честность. Они говорят только то, что продумано, пережито ими, что они знают, во что верят. Разумеется, я говорю о лучших из них. Но искусство всегда было живо лучшими. Завтрашний день в искусстве принадлежит им, и я знаю, это будет хороший день.